

СУДЬБА «СТОЛЫПИНСКИХ ВЫДЕЛЕНЦЕВ» В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Столыпинская аграрная реформа была призвана создать средний класс в сельской местности путем разрушения крестьянской поземельной общины. Вопрос о собственности, прежде всего земельной, был основным в российском революционном процессе. Следовательно, он зависел от социальной и политической мобильности различных групп населения. Общинная революция в деревне достаточно хорошо изучена [1; 2; 3; 4; 11; 12; 13; 14; 16; 17; 19; 24]. Альтернатива уравнилельно-крестьянского социализма и причины его поражения требуют специального рассмотрения. Общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России весной 1917 г., грозила полностью изолировать земельных собственников, прежде всего крупных, не допустить их участия в решении вопросов местной жизни. В этих условиях необходимость создания действенных организаций, способных защищать интересы сельских хозяев от посягательств крестьян-общинников, вполне назрела. Вопрос о создании Всероссийского союза земельных собственников был поставлен еще в конце 1916 года группой крупных помещиков. Инициаторы ставили перед союзом две задачи: помочь государству и армии в решении продовольственной проблемы и защитить экономические интересы землевладельцев [23, с. 137].

В Поволжье организации земельных собственников начали создаваться весной 1917 года. Назывались они по-разному, что объяснялось особенностями состава землевладельцев, преобладавших в той или иной местности. В Казанской и Симбирской губерниях образовывались союзы сельских хозяев. В Пензенской и Саратовской – союзы земельных собственников, в Самарской – союзы посевицков [21, л. 14]. Организаторы стремились подчеркнуть общность стратегических задач всех собственников независимо от размеров земельных владений. Вслед за губернскими летом 1917 года стали создаваться уездные и районные отделы союзов.

Наиболее разветвленной была организация земельных собственников в Пензенской губернии, где помимо уездных отделов существовали еще подотделы [21, л. 14]. Союзы земельных собственников организационно оформлялись на губернских съездах. Здесь же разрабатывались

программные и тактические лозунги и требования помещиков и хуторян. Наиболее ярко они были сформулированы помещиками Чембарского уезда на собрании 6 апреля 1917 г., участники которого высказывались за сохранение тех хозяйственно-правовых отношений, которые существовали до февральской революции. Помещики договорились о назначении высшей арендной платы за землю под посев ярового клина, считали необходимым сохранить отработочную систему, взимание платы заходы в леса, использование военнопленных в имениях, выступали против повышения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня для сельскохозяйственных рабочих [5, л. 59].

Представляет интерес программное заявление Пензенского союза земельных собственников, которое было принято накануне Учредительного съезда Всероссийского союза земельных собственников. В нем подтверждалась неприкосновенность частной земельной собственности. Это обосновывалось тем, что единоличное пользование землей обеспечивает ее лучшую эксплуатацию, высокую производительность труда и способствует «росту национального богатства страны». Определяя цель Союза земельных собственников, его организаторы призывали, объединившись для ограждения принципа собственности и единоличного владения, стремиться к развитию сельского и лесного хозяйства и тесно связанных с ними отраслей промышленности. Пензенские землевладельцы внесли свои предложения о принципах будущей аграрной реформы. Они согласились на отчуждение кабинетских, удельных и государственных земель, которые должны перейти к малоземельным крестьянам на принципах, разработанных Учредительным собранием. Могли отчуждаться государством и частновладельческие земли, но «за вознаграждение по справедливой оценке». [5, л. 50об.]. В основном Пензенский союз земельных собственников решал аграрный вопрос в русле программных установок умеренного крыла партии кадетов.

Членами союза земельных собственников могли быть: «1) Все лица, владеющие землей на правах собственности или долгосрочной аренды. 2) Юридические лица (общества, товарищества и проч.), владеющие землей через своих представителей. 3) Все прочие лица при условии рекомендации двумя членами губернского или уездного комитетов союза с утверждением их губернским комитетом» [5, л. 50]. Таким образом, организаторы союза стремились вовлечь в свои ряды не только помещиков, но и мелких сельских хозяев. В целом основные программные положения Пензенского союза земельных собственников совпадали с уставом, принятым на Учредительном съезде Всероссийского союза земельных

собственников. Устав также включал в союз всех землевладельцев независимо от размера их владений, без различия пола, сословия, вероисповедания, национальности и политических воззрений [25].

Следует отметить, что программные установки союза земельных собственников оставались неизменными. Помещики не хотели терять своих владений, а истинные намерения маскировали призывами к «единению» с народом, говорили о готовности «принести жертвы». Так, например, председатель Казанского союза сельских хозяев Н.А. Мельников, выступая на Государственном совещании, говорил о том, что земельными собственниками следует считать не только помещиков, но и «огромный класс крестьян» [15, с. 19, 20]. Тенденция к единению крупных и мелких землевладельцев усилилась в связи с попытками на местах решения земельного вопроса до Учредительного собрания, и с такой инициативой выступали прежде всего помещики.

В ходе выполнения решений Учредительного съезда Союза земельных собственников на местах развернулась работа по организации его отделений, где руководящая роль принадлежала землевладельцам из дворян, стремившимся сплотить всех сельских хозяев для защиты своих имущественных прав. Так, Саратовский съезд земельных собственников 25 мая 1917 г. принял решение о создании отделений Союза в губернии для защиты своих имущественных прав [9, л. 20]. В Самарской и Саратовской губерниях имущественная дифференциация крестьян была существенной из-за более быстрых темпов развития капитализма в сельском хозяйстве юго-востока Европейской России. Образовавшиеся здесь союзы земельных собственников с самого начала объединяли всех землевладельцев независимо от социального статуса. «Трогательное единство наблюдалось на втором Саратовском губернском съезде крупных и мелких земельных собственников. Рядом с иголки одежными помещиками заседали крестьяне – отрубники и вообще мелкие земельные собственники, вышедшие из крестьянства. Зрелище весьма поучительное. Экономические интересы оказались гораздо сильнее старинной вражды между крестьянством и господами помещиками» [22, л. 30]. На съезде обсуждались мероприятия по борьбе с аграрным движением. Было решено добиваться введения в состав местных комитетов представителей от помещиков и сельской буржуазии. Делегаты высказывались за привлечение сельских комитетов, взявших на учет земли и инвентарь частных владельцев, к судебной ответственности.

В Союз посевищиков Самарской губернии входило около 4000 помещиков, купцов и хуторян. В Пензенской губернии в Союз земельных соб-

ственников могли войти все землевладельцы. «В члены Союза идут наряду с крупными помещиками, как это ни странно, и мелкие крестьяне-отрубники». Если учесть факты принуждения к возврату в общину крестьян-выделенцев, то их стремление к объединению с помещиками вполне объяснимо. Но в ряде случаев мелкие земельные собственники стремились отмежеваться от помещиков и создать самостоятельные объединения. 14 июня 1917 г. состоялся сход крестьян-отрубников села Анастасьино Широко-Устинской волости Аткарского уезда Саратовской губернии. Отметив факт создания помещиками Союза земельных собственников, отрубники заявили, что они никогда не изменят «своим несчастным безземельным крестьянам, жившим с 1861 г. на 20 саженных дарственных землях, и в подобный союз со своими вечными врагами» не пойдут. Они не возражали и против возвращения отрубных участков в общину. Такие резолюции принимали малоземельные крестьяне, недавно укрепившие свои наделы в собственность [13, с. 156].

С развитием аграрной революции столыпинские выделенцы из общин оказались перед выбором социальных партнеров. Многие из них признавали, что «интересы всех мелких крестьян, собственников и отрубников должны быть слиты со всем трудовым крестьянством» [6, л. 10]. Подобные приговоры составили отрубники и хуторяне Змиевского, Раздельного, Хуторянского обществ Чембарского уезда Пензенской губернии. Усилия крестьянских организаций были направлены против объединения земельных собственников. II Саратовской губернский крестьянский съезд отмечал, что «в Союз земельных собственников отчасти по недоразумению, отчасти по своей темноте, вошли мелкие собственники-крестьяне». Он призвал их выйти из этой организации, заявив, что «союз земельных собственников – уловка со стороны помещиков, цель которого увеличить помещичьи силы и разъединить трудовое крестьянство» [15, с. 19].

Если программные установки организаций земельных собственников оставались неизменными, то их тактика менялась в связи с развитием аграрной революции на местах. Первые попытки «черного передела» землевладельцы пытались предотвратить, опираясь на указания Временного правительства. Они буквально засыпали все административные и общественные учреждения своими жалобами и заявлениями, в которых требовали прекратить противозаконные действия крестьян, посягавших на их собственность. В МВД поступали жалобы как отдельных помещиков, так и коллективные ходатайства. С образованием союзов земельных собственников и сельских хозяев увеличилось число

заявлений от имени этих организаций. Например, Казанский союз сельских хозяев потребовал отменить постановление Свияжского уездного комитета от 19 июня 1917 г., в котором все земельные владения объявлялись собственностью населения уезда [15, с. 20]. «Союзнники» считали необходимым «привлекать к уголовной ответственности соответствующих должностных лиц», принимавших конфискационные решения [18, л. 44].

Крестьяне-собственники заявляли, что их мнение не учитывалось при обсуждении аграрного вопроса на съездах. В Бугульминском уезде Самарской губернии они подвергли сомнению законность решений II крестьянского съезда, т.к. делегаты на него «выбирались лишь частью населения» [15, с. 103]. В свою очередь, Бугурусланский уездный Комитет считал, что проведение в жизнь решений II губернского крестьянского съезда замедлилось в июне 1917 г. Он связывал это с образованием Союза посевицков, «во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь принцип священного права частной собственности» [26, л. 6]. В докладе Пензенской губернской земельной управы в 3-ю сессию губернского земельного комитета отмечалось, что «с образованием союза земельных собственников увеличилось число жалоб к Временному правительству на незаконные самочинные захваты, а в последнее время пущена судебная власть» [6, л. 10].

Как правило, Министерство внутренних дел отменяло постановления крестьянских съездов, советов и местных исполнительных комитетов. Министерство требовало возвращения земли и инвентаря их прежним собственникам. Губернские комиссары те же указания давали комиссарам и начальникам милиции, которые и должны были разбирать конфликты [20, с. 516]. Но сделать это было затруднительно, т.к. органы милиции находились в подчинении комитетов, принимавших конфискационные решения по аграрному вопросу. Авторам заявлений оставалось лишь констатировать «целый ряд нарушений личных и имущественных прав земледельцев... насилие и самоуправство». Председатель совета Балашевского Союза земельных собственников Саратовской губернии в июле 1917 г. отмечал: «Вследствие отсутствия надлежащей власти в уезде идет полная аграрная анархия». Тактика землевладельцев чаще всего была оборонительной. Советы и комитеты, напротив, обвиняли их в контрреволюционных замыслах. Советская пресса нападала на союзы земельных собственников, обвиняя их «в ненужной шумихе по поводу «аграрной анархии» и «земельных захватов», в тенденциозности и стремлении «опорочить стихийную тягу к земле крестьянских

масс... построить картину сплошного крестьянского бесчинства» [15, с. 18, 152, 154].

О непримиримости между помещиками и крестьянами ярко свидетельствует выступление делегата от Пензенской губернии Трушина на заседании III сессии Главного земельного комитета от 25 августа 1917 г. Он вдохновенно доказывал мужицкую правду и необходимость ее защиты революцией от помещиков, стремившихся предотвратить разгром имений. Картина социального противостояния была описана во всех неприглядных деталях «черного передела» в деревне. Отметая обвинения в грабежах, комитетчик сам напал на крупных землевладельцев, доказывая право революционного насилия со стороны крестьян. Он заявлял: «Здесь, между прочим, имеются сведения, что в Пензенской губернии дошли до того, что земельные комитеты начали растаскивать кур, платье, тащить подушки, одеяла и т.п. вещички, ничего не оставляя у помещиков. Вот как раз по поводу этих кур, подушек и одеял имеется постановление... (которое. – Н.К.) ясно доказывает, что это неправда. По поводу этих сообщений губернский комиссар, а также представители революционных организаций, советов, местные земские управы провели совместное расследование. Оказалось, что кур действительно продали, но не потому, что хотели насолить помещикам, а потому, что помещики и управляющие бросили экономии не потому, что их прогнали, а просто потому, что чего-то испугались... Оказалось, что кур нечем кормить, тогда Продовольственным комитетом они были проданы, а деньги были положены в Казначейство... Дальше говорится о расхищении в Пензенской губернии племенного скота, об уничтожении культурных очагов. Я скажу, что это ложь. Нельзя верить тем людям, которые на лжи воспитаны и ложью свое благополучие ограждали... Были случаи привлечения земельных управ к ответственности по статьям 341 и 348 (посягательство на земельные и имущественные права). Тут я должен указать Главному земельному Комитету, что его голос в защиту (крестьянских организаций. – Н.К.) не слышен, а между тем он должен был бы указать на недопустимость такого явления...» [8, л. 33–36].

Выступая за неприкосновенность земельной собственности, сохранение старых арендных отношений, права распоряжаться своей землей и имуществом, продавать имения, инвентарь и скот, земледельцы апеллировали к патриотическим чувствам населения. Земельные собственники Сердобского уезда Саратовской губернии, например, просили Министерство внутренних дел «во имя мужей и сыновей, защищающих на фронте Родину, охранить их имущество от захватов со стороны безот-

ветственных комитетов». Организации земельных собственников с тревогой доказывали, что постановления крестьянских съездов по аграрному вопросу порождают в стране хаос, а захват имений «создает угрожающее положение рынку, не обеспечит уборку урожая, посев озимых» [15, с. 51, 112, 217]. Подобные доводы не убеждали крестьян, а озлобляли их еще больше.

Различные «друзья народа» также накаляли обстановку, обвиняя организации земельных собственников в наступлении на права трудового крестьянства. Член Казанского совета крестьянских депутатов П. Скопин заявлял, что «помещики более или менее сорганизовались, заручились, где нужно, поддержкой и переходят в наступление... Лавируя между различными постановлениями продовольственных управ, волостных, уездных и губернских, постановлениями различных советов и законами Временного правительства, они ухитряются тянуть дело революции в свою сторону» [20, с. 434].

Иногда организациям земельных собственников удавалось противостоять натиску крестьянских комитетов через охранные структуры местных администраций, земств. Так, в докладе делегата от Спасского уезда II Казанскому губернскому крестьянскому съезду отмечалось, что «крестьянство недоброжелательно относилось к создаваемым районным комитетам милиции, т.к. они назначались не волею народа, а начальником уездной милиции», который «всецело защищает интересы помещиков». К тому же председатель Спасской уездной Управы помещик Геркен «в сентябре ставит в милицию людей, которые поднимают руки против наших избранников», отбирая у комитетов имущества и инвентарь, взятые ими в распоряжение [20, с. 504].

Однако союзы землевладельцев в Поволжье в подавляющем большинстве были не в силах противостоять массовым крестьянским захватам земель, живого и мертвого инвентаря помещиков. Земельные собственники из крестьян находились в двойственном положении: они боялись насильственного возврата в общину своих земель и в то же время стремились расширить свои владения за счет конфискованных помещичьих земель. Вот как обосновывали крестьяне-собственники свои позиции: «Собственность можно всегда вовремя обработать, а чересполосицу очень трудно... нельзя хорошо разработать свою полосу. В общине при таком же количестве земли хлеба не хватало, а теперь хватает на два и даже более года». [7, л. 5–6]. Но малоземельные собственники ходатайствовали перед Учредительным собранием «земли у большеземельных отобрать обязательно с уплатой или без уплаты его на Ваше усмотре-

ние... и наделить всех ровно, кто желает принять, но обрабатывать обязательно с помощью работника ... У хуторян отбирать не следует, у которого лишка – добавить, а мало – прибавить, но смешивать не надо. Надо и оставшиеся земли собирать в отруба, потому что образцовые земли больше дадут дохода как хозяину, так равно и государству» [7, л. 3–3об.]. Таким образом, рассчитывать помещикам на крестьян-собственников не приходилось, т.к. последние, отстаивая свою собственность на землю, стремились приумножить ее за счет крупных землевладельцев.

Необходимо отметить, что погромные действия предпринимались по инициативе крестьян, чаще богатых, а не комитетов. По свидетельству очевидца событий 1917 года в Николаевском уезде Самарской губернии А.М. Барского: «в Комитете народной власти большинство были представители партии социалистов-революционеров, в земстве же оставалась часть помещиков, торговцев... Официальная власть всячески старалась удержать крестьян в старых рамках, то есть самочинно не захватывать помещичьей земли, а ждать решения Учредительного собрания. Крестьянство, особенно зажиточное, было недовольно такой политикой ожидания, стало захватывать помещичьи земли и громить имения. Комитет народной власти и земство выслали карательные отряды солдат, но последние никаких мер не принимали» [22, л. 32].

Не могли быть союзниками помещиков и другие землепользователи – различные кооперативные общества, союзы арендаторов и другие. Например, крестьяне-арендаторы села Криуши Пушкинской волости Симбирского уезда и губернии просили «товарищей депутатов» Учредительного собрания закрепить за ними арендованные земли, «засаженные яблонными садами». Это было вызвано тем, что «в настоящее мятежное время общество села Криуши составило приговор об отобрании вышеозначенных плодовых садов». Мотивировали они свою просьбу тем, что земля должна изыматься у крупных собственников и «удерживаться за трудящим народом, имеющим маленькие полоски» [7, л. 7]. Кооперативные организации в 1917 году стремились взять на себя организующие функции общины в отношении крестьян-собственников и также выступали против крупного помещичьего землевладения.

К осени 1917 года число членов союза земельных собственников уменьшилось, некоторые из них и вовсе распались, т.к. помещикам не удалось вовлечь крестьян в эти организации. Сохранившиеся структуры землевладельцев стали издавать пропагандистскую литературу, осуждавшую захватные действия крестьян, рабочих, солдат. 25 сентября в Саратовской типографии Панина военная секция Совета рабочих

и солдатских депутатов конфисковала 40 тысяч экземпляров брошюр, которые были заказаны председателем Союза земельных собственников Кузнецкого уезда [6, л. 12]. В них вся вина на существующую разруху в стране сваливалась на большевиков, меньшевиков и эсеров. В Пензенской губернии распространялось воззвание анонимного автора, которое было подписано «союз пузырька и коробки». Автор призывал землевладельцев вооружаться коробкой спичек и пузырьком керосина и поджечь десятки тысяч сел и деревень, произвести всероссийскую иллюминацию» [21, л. 19, 20].

Итак, новые структуры местной власти и самоуправления стали конкретными выразителя политическими устремлений различных социальных сил, действовавших в русской революции 1917 года. Дворянство, занимавшее до революции ведущие позиции в органах власти и земского самоуправления, стремилось к сохранению своего социально-политического статуса. Одновременно крупные землевладельцы попытались обеспечить свое представительство в новых общественно-политических объединениях-комитетах, советах, союзах, но были отринуты крестьянами. Вскоре помещики были вытеснены с постов уездных и губернских комиссаров Временного правительства, председателей земских управ.

Союзы земельных собственников, посевищиков, сельских хозяев образовались для защиты экономических, социальных и политических интересов землевладельцев. С самого начала их деятельности союзы землевладельцев противостояли крестьянским комитетам, т.к. у этих организаций были противоположные цели в революции. Попытки помещиков привлечь на свою сторону субъектов всех форм земельной собственности, а также арендаторов, кооператоров и других индивидуальных землепользователей не имели сколько-нибудь значительного успеха. Создать прочный блок помещиков и сельской буржуазии не удалось, т.к. все слои крестьянства были заинтересованы в «черном переделе», хотя их взгляды на формы собственности не совпадали.

Сравнивая тактику крестьянских организаций и союзов земельных собственников, необходимо отметить ее различие. Крестьянские съезды, советы, комитеты формулировали и проводили в жизнь радикально-конфискационные требования сельских обществ. При этом они действовали наступательно, отмечая любые резоны о необходимости тщательной подготовки коренного реформирования аграрного вопроса. Организации землевладельцев не смогли создать сколько-нибудь прочную социальную базу для защиты прав собственности и, следовательно,

своих интересов. Местные органы власти не в состоянии были соблюдать элементарные правила законности и порядка, так как общественно-политические объединения революционных масс присваивали себе законотворческие функции.

Библиографический список

1. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
3. Бэдкок Ф. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4.
4. Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 15.
6. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2.
8. Там же. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 1.
9. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894.
10. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 886.
11. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.
12. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.
13. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.
14. Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2005.
15. Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л., 1927.
16. Лавров В.М. Крестьянские парламенты России: всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917–1918 гг. М., 1996.
17. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.
18. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 780. Оп. 1. Д. 2.
19. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.

20. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: сборник документов и материалов. Казань, 1958.
21. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Картон 2. Д. 32.
22. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 218.
23. Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации / под ред. А.В. Шестакова. М., 1929. Т. 1. Ч. 2.
24. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.
25. Устав Всероссийского Союза земельных собственников. М., 1917.
26. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 832. Оп. 1. Д. 1«а».

М.И. Роднов

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН*

Х.Ф. УСМАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Важнейшее событие в судьбах России, столыпинская аграрная реформа, которая, в случае успешной реализации, могла развернуть весь ход исторического процесса, вызвала живейший интерес уже у современников [1]. Продолжением тех бурных дискуссий стала советская историография 1920–1930-х гг., в которой сложился марксистский подход к изучению столыпинской реформы [2]. Новый подъем интереса к этому крупномасштабному мероприятию правительства происходит в 1950-е гг., стимулированный спорами об уровне развития капитализма в России (аграрном секторе экономики) и хрущевской «оттепелью» [3].

Среди многочисленных диссертаций и книг о столыпинской реформе в самых разных регионах России в 1958 г. появляется и первое и до сих пор единственное, специальное исследование по Южному Уралу, в границах Уфимской и Оренбургской губерний [4]. Автором стал тогда начинающий историк, а впоследствии один из ведущих специалистов Башкирии – Хамза Фатыхович Усманов. Современному поколению необходимо вкратце рассказать о жизненном пути Х.Ф. Усманова, наставника, с которым мне довелось быть знакомым с начала 1980-х гг.